

# АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВ ОНА РЯДОМ



18+

Александр Гаврилов

**Она рядом**

«Автор»

2026

**Гаврилов А. А.**

Она рядом / А. А. Гаврилов — «Автор», 2026

Молодой писатель, который пытается создать значимое произведение, но раз за разом сталкивается с творческими кризисами, трудностями и отчуждением от окружающего мира. Его будни наполнены изнурительной работой и ощущением, что он балансирует на грани безумия. Параллельно в его жизнь вторгаются пугающие, мистические явления: зловещие образы, странные голоса, искажение реальности, галлюцинации и сомнения в надёжности собственного восприятия.

© Гаврилов А. А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Эпиграф                           | 6  |
| Предисловие                       | 7  |
| Глава 1                           | 8  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 14 |
| Глава 4                           | 17 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 20 |

# **Александр Гаврилов**

## **Она рядом**

**ОНА РЯДОМ**

## Эпиграф

## Предисловие

Тьма — это не только слово или то, что человек видит после захода солнца или в наглухо запечатанной комнате без окон и дверей. Это состояние, которое может проникать в сознание, заполнять мысли и эмоции, становясь символом неизвестности, страха или глубокой внутренней пустоты. Она способна накрыть человека, словно невидимый покров, заставляя его теряться в собственных мыслях и чувствах, где границы реальности и воображения начинают размываться. Тьма может быть метафорой для сложных жизненных ситуаций, когда, кажется, что выхода нет, а каждое действие только усугубляет положение. В такие моменты она становится символом отчаяния, напоминая о том, как хрупка человеческая уверенность и как быстро она может смениться сомнениями. Тьма отражает те моменты, когда человек сталкивается с собственными скрытыми страхами — страхами, которые он годами прятал глубоко внутри, избегая их осознания. Эти страхи могут принимать различные формы: от боязни одиночества и неудачи до тревоги перед неизвестным будущим. Однако сущность — это не всегда нечто негативное. Она может быть и временем для размышлений, для внутреннего диалога, который помогает человеку лучше понять себя. В тишине и темноте человек способен услышать то, что заглушается шумом повседневной жизни, — свои истинные желания, мечты и стремления. Тьма может стать моментом перезагрузки, когда человек, оставаясь наедине с собой, обретает силы для дальнейшего пути. Она способна олицетворять нечто большее, чем просто физическое отсутствие света, становясь аллегорией для внутренних переживаний и борьбы. Это борьба между светом и тенью внутри каждого из нас, между страхом и надеждой, между отчаянием и решимостью двигаться дальше. Тьма напоминает, что даже в самых темных моментах жизни всегда есть возможность найти свет, пусть даже его лучи кажутся едва заметными.

## Глава 1

Возможно, я спятил, но перед тем, как нажать на клавишу старой печатной машинки и лишиться девственности белоснежный лист бумаги черными чернилами, меня сковало чувство страха. Это было не просто легкое волнение, а мощная волна, которая окутала меня с головы до ног. Необычное покалывание пробежало по всему телу, словно тысячи крошечных иголок одновременно коснулись моей кожи. Вдобавок ко всему этому мне казалось, что усталость, накопленная за долгие часы работы, сковала мои мысли, как тяжелые цепи. Я уже собирался заканчивать работу над очередной главой своей книги, когда это странное ощущение полностью захватило меня. Возможно, это было всего лишь мгновение, но оно растянулось до бесконечности. Время, словно решив поиздеваться надо мной, замедлило свой бег, позволяя мне полностью ощутить каждую секунду своих терзаний.

Я сидел, глядя на чистый лист, который казался одновременно притягательным и пугающим. Что, если каждое слово, которое я сейчас напечатаю, станет незримыми оковами для моего воображения? Что, если мои мысли, обретая форму на бумаге, потеряют свою свободу и станут чем-то чуждым и неподвластным мне? Страх был не просто страхом — это была тревога, глубокая и всепоглощающая, которая пронзала меня, как холодный ветер, проникающий под одежду в зимний день. Она не оставляла места для сомнений, внушая мысль, что этот лист бумаги станет свидетелем моих самых сокровенных страхов и слабостей. Я чувствовал, как тяжесть этих мыслей давит на меня, заставляя задуматься, стоит ли вообще продолжать. Этот момент был наполнен противоречиями: вдохновением и отчаянием, надеждой и страхом, желанием творить и страхом ошибиться.

Сквозь темноту я слышал колебание воздуха, словно само пространство вибрировало от невидимой силы. Вначале оно показалось обычным природным явлением, будто эхо далекого грома или шелест ветра среди деревьев, что обитает на земле с ее сотворения. Но это ощущение было иным, более глубоким, почти осязаемым. Воздух был пропитан запахом горелого дерева, смешанного с сыростью соленого моря, словно сама природа застыла в странной гармонии разрушения и жизни. Это было нечто невообразимое, притягательное, если не вдаваться в пугающие подробности.

Внезапно, из черного уголка моего дома, где тени казались гуще обычного, на меня уставились две белые точки. Они были неподвижны, но их присутствие пронизывало меня насквозь. Они смотрели на меня, словно сканируя каждую частицу моей души. Я чувствовал их — подавляющую волю, энергию, необоримую силу и могущество. Но вместе с этим я ощущал нечто иное, более жуткое. Ужас и мрак, словно древняя сущность пробудилась и наблюдала за мной. Ужас преобладает всегда. Его не нужно видеть, чтобы понять, что он рядом. Он дышит в затылок, прячется за углом, растворяется в тишине. Он всегда здесь, как вечный спутник, невидимый, но осязаемый и ужасающий.

Я сделал шаг назад, стараясь удержать панический страх под контролем. Сердце колотилось так громко, что казалось, его стук эхом разносится по окружающей тишине. Белые точки, словно светящиеся глаза, не исчезали, не отворачивались, продолжая сверлить меня своим безмолвным взором. Их неподвижность и холодная настойчивость заставляли мурашки пробегать по коже. Казалось, они проникали в самую суть моих мыслей, изучая мои тайны, страхи, желания, словно читая книгу, которую я сам боялся открыть. Я обдумывал, чем они могут быть: духами, монстрами, или же даже отражениями моих собственных демонов. Возможно, это было лишь проявлением моего уставшего разума, играющего злую шутку в полумраке. Но в тот момент всё казалось слишком реальным. Природа часто играет с воображением человека, создавая образы из теней и света, но в этот раз реальность была более осязаемой, чем

когда-либо. Даже воздух вокруг, казалось, сгустился, обретая неестественную тяжесть, затрудняя дыхание.

Я пытался вспомнить, что могло привести меня к этому моменту. Может, это место было связано с чем-то древним, необъяснимым, скрытым от человеческого понимания? Или, возможно, я сам стал жертвой своих страхов, позволив им материализоваться? В голове всплывали обрывки рассказов о заброшенных местах, где граница между мирами истончается, и невидимое становится видимым. Я чувствовал, как холодный пот стекает по спине, но не мог оторвать взгляд от этих точек, словно они удерживали меня в плену. Внезапно мне показалось, что я услышал какой-то шорох, едва уловимый звук, словно тихий вздох или шепот. Это заставило меня замереть на месте. Я не знал, что было страшнее — продолжать стоять или сделать шаг вперёд, навстречу неизвестному.

Тишина в комнате стала гулкой, словно эхо пустоты, она давила на виски, пробираясь внутрь, напоминала о чем-то давно забытом и угнетающем, словно старые раны, которые никогда не заживают. Я попытался призвать к себе мысли о безопасности, представить теплый свет лампы или знакомый голос, но чувство уязвимости нарастало, как прилив, который невозможно остановить. Воздух был плотным, почти осязаемым, он напоминал мне, что я не один — в этой темноте, в этом молчании, словно притаились невидимые глаза, а из углов комнаты ждали лишь шепоты страха. Аномалия ночи, этот странный холод, который не объяснить, заставила меня задуматься: что, если мое существование всего лишь иллюзия, игра воображения. Вероятно, в нее играют эти сущности, наблюдая за мной с невидимой усмешкой?

Внезапно белые точки начали медленно приближаться, словно исследовали мою реакцию. Я ощутил, как в воздухе нарастает напряжение, будто энергия их самих изменилась, обострилась. Тот миг, когда реальность и страх переплетаются, стал непередаваемым. Я знал, что они могут причинить боль, но интерес к их природе затмевал ощущение опасности. С каждой секундой я все больше осознавал: в этой тьме прячется нечто большее, чем просто страх. И эта неведомая сила пробуждала во мне самые неожиданные эмоции: первобытный страх, нездоровое возбуждение, тревога и предвкушение чистого зла. Еще секунду назад я был уверен, мне не грозит никакая опасность, но в некий момент я замер. Меня сокрушил страх. Белые точки были в считанных сантиметрах от пола.

Хотелось бы, чтобы это был человек. Однако передо мной предстало создание, явно не из этого мира. Оно осознавало свое существование и стремилось, чтобы каждый узнал, что скрывается в темных углах. Я понимал, что должен был бояться его, и страх охватывал меня. Этот ужас был настолько парализующим, что я не мог даже пошевелиться. В отчаянии я решил отдать ему все, что у меня было, в надежде обрести свободу. Все, что осталось у меня, — это капли разума и воли, которые едва удерживали меня в реальности. Белые точки напоминали движение глаз, словно они наблюдали за мной из тьмы. Вероятно, так и было. Но кто мог обладать таким ужасным обликом? Как назвать то, в чем воплощался этот страх, проникающий в самую глубину души? Я не мог ни пошевелить языком, ни даже моргнуть. Время остановилось, и мне оставалось лишь ждать. Ничего не происходило, но напряжение росло с каждой секундой. Я начал вспоминать все, что знал о подобных существах из древних легенд и мифов.

Быть может, это было нечто из древних сказаний, существо, которое веками оставалось скрытым от человеческих глаз. Внутренний голос шептал, что оно пришло за мной, чтобы забрать мою душу. Я чувствовал, как холодный пот стекает по спине, и понимал, что это не просто страх, а нечто гораздо большее. Я пытался осознать, как долго я уже пребываю в этом состоянии, но время потеряло всякий смысл. Все, что окружало меня, превратилось в густую темноту, и только белые точки продолжали мерцать, как призрачные звезды в ночи. Я хотел закричать, но голос застрял в горле. Оставалось лишь молча наблюдать за тем, как разворачивается этот кошмар, надеясь на проблеск света, который выведет меня из этой бездны.

В такой ситуации я не задержался надолго. Я изо всех сил пытался сопротивляться незваному гостю, но не мог поверить, что это происходит на самом деле. Что-то внимательно следило за мной. И вдруг я услышал голос. Он был странным, длинным и холодным. Я слышал его в голове так же ясно, как если бы он звучал рядом. Этот голос говорил на каком-то незнакомом языке, который казался эхом из далекого времени. В нем был особый ритм, который я никогда раньше не слышал. Он завораживал меня. Сначала я подумал, что это просто шум крови в ушах. Но когда я понял, откуда он идет, мое сердце забилося быстрее. Наверное, было глупо пытаться сопротивляться. Мне следовало просто поддаться. Но я был в шоке. Голос звал меня. Он обращался ко мне, как будто я мог рассказать о его существовании.

Я почувствовал, как комната вокруг меня зашевелилась, будто сама реальность решила сменить свою форму. Тени углов, ранее казавшиеся неподвижными, вдруг обрели странную, зловещую пластичность. Они вытягивались, изгибались, словно нечто невидимое пыталось проникнуть в наш мир, выпуская свои цепкие, холодные щупальца. Воздух в комнате стал плотным, как будто его наполнили невидимыми волнами напряжения, и каждый вдох давался с трудом. Сердце билось глухо и медленно, как будто само время вокруг меня замедлилось. Все мои инстинкты кричали о необходимости бежать, но невидимые узы, словно крепкие цепи, приковали меня к полу. Я не мог пошевелиться, не мог даже отвести взгляд. Казалось, что я оказался пленником этого странного момента, который не принадлежал ни прошлому, ни настоящему. Я осознал, что отвергнуть происходящее было бы бессмысленно, будто сама судьба решила, что я должен стать свидетелем этого.

Время словно застыло, и воздух стал ещё тяжелее, почти осязаемым, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего движения. Я заметил, как тени начали колебаться, их очертания становились всё более чёткими и зловещими. Они вырисовывали фигуры, которые одновременно казались знакомыми и чуждыми. В этих силуэтах чувствовалась древняя и пугающая сила, которая, казалось, была забыта веками, но теперь оживала, возвращаясь из небытия. И тут я услышал это. Тихий, едва различимый шёпот, который не доносился откуда-то конкретно, а будто исходил из воздуха. Он был похож на зов, на приглашение узнать то, что, возможно, лучше было бы оставить в тайне. Звук был одновременно манящим и угрожающим, пробираясь в самую глубину сознания. Он говорил на языке, который я не понимал, но каким-то образом знал, что он обращён ко мне. Шёпот обволакивал, заполняя пространство вокруг, и я почувствовал, как реальность начала трескаться, словно тонкий лёд под ногами.

И в то же время, нечто внутри меня сопротивлялось. Как будто часть моей души, та, что жила в привычном мире, искала спасение, отчаянно цепляясь за знакомое. Я чувствовал, как внутренний голос, слабый, но настойчивый, шептал: «Не сдавайся». Станные звуки накатывались с каждой секундой, словно волны, разбивающиеся о скалы. Они напоминали далекие звонкие кузнечики, чьи мелодичные трели внезапно превращались в сокрушительные крики. От них по коже пробегали мурашки. Воздух вокруг казался густым, почти осязаемым, как будто он знал, что я здесь, и пытался удержать меня. Я понимал, что необходимо разобраться, что происходит, но страх сжимал сердце в тиски, мешая сделать хоть что-то. Казалось, что каждое движение требовало невероятных усилий, как будто я шёл против невидимого течения.

Я сделал шаг вперёд, и пространство, словно живое, отозвалось на моё движение. Оно дрогнуло, будто ждало этого момента, будто само приглашало меня в неизвестное. Темнота вокруг была плотной, почти абсолютной, но где-то в её глубине мелькало нечто — слабый проблеск света, как надежда, которая не позволяла мне отступить. Какой-то голос, невнятный и манящий, раздавался издалека. Он был одновременно пугающим и притягательным, словно обещал ответы на все вопросы, которые терзали меня. «За пределами этого мрака скрывается истина», — звучало в голове, как эхо, повторяющееся снова и снова. Эта истина, казалось, могла изменить всё, разрушить старый мир и открыть двери в новый. Но чтобы добраться до неё, нужно было преодолеть страх, который буквально парализовал меня. Внутри разгорелась

борьба — между страхом и желанием узнать правду. И, несмотря на всё, я сделал ещё один шаг вперёд, позволяя себе поверить, что впереди действительно есть что-то большее, чем этот удушающий мрак.

Голос продолжал звучать, его мелодия теперь напоминала завораживающий колокол, отзывающийся в самой глубине души, словно эхо из другого мира. Каждое слово резонировало, проникая в сознание, как древняя мантра, обещающая нечто большее, нечто неведомое и манящее.

Я закрыл глаза, чувствуя, как этот странный ритм обволакивает меня, словно невидимая ткань, и позволил себе оказаться в этом загадочном потоке. Внутри меня словно пробуждались давние воспоминания, связанные с чем-то огромным, неизмеримым, чем-то, что превосходило мое собственное существование. Я ощущал, как в груди растёт странное тепло, будто бы отголосок забытого огня, который когда-то горел в сердце. Наконец, решимость овладела мною, как будто сама судьба подтолкнула меня вперед. Я поднялся с кресла, и в тот же миг пространство вокруг меня резко изменилось. Стены комнаты, казалось, растворились, уступая место мерцающему полумраку, где тени зашевелились, оживая и принимая причудливые формы. Гулкий звук, подобный голосу древнего воеводы, раздался из глубины, словно отвечая на мой безмолвный вопрос. Этот звук был не просто эхом — он был зовом, ключом, готовым открывать двери в неизвестное, в миры, о которых я мог лишь догадываться.

## Глава 2

Третий день мне снились кошмары, и по этой причине я не мог нормально выспаться. Я заметно похудел и побелел. Неутолимая тяга к сигаретам. И алкоголь, особенно крепкий. Две привычки появились в мой жизни еще в юном возрасте и которые медленно вели меня к могиле. Но у меня не было времени бороться с этим. Я был занят написанием книги, с помощью которой я смогу заявить о себе. Приблизится к успеху и славе. Но, как назло, ничего, кроме смятых листков бумаги я не получал. Постоянно переписывал задуманное. Нечто значимое крутилось в голове. Но я никак не мог настроиться на нужную волну. Я не считал себя хорошим писателем, но и плохим тоже. У меня было достаточно таланта и знаний, чтобы написать неплохой роман с интересным сюжетом. Но была еще одна проблема. Я засиживался допоздна и пару дней вообще не знал, что такое сон. И самое мерзкое заключалось в том, что даже во сне мне ничего полезного, что бы могло бы сдвинуться с мертвой точки, тоже не попадалось. Это раздражало. Бесило меня. Доводило до иступления. Мне все чаще мерещилось, будто книга уже написана и оставалось написать "Пролог". Пока я работал, мир вокруг меня постепенно менялся. На смену одному приходило другое. И угадать, что понравится читателю в следующем году было невозможно. А я не хотел рисковать. Не хотел тратить драгоценное время.

В этот же день я снова сел за антикварную печатную машинку, вставил белый лист бумаги, облокотился назад, закурил и начал прислушиваться. Всё вокруг погружалось в серую дымку, словно мир за окном искал утешения в звуках дождя. Через минуту я почувствовал, как под моими ногами нечто шевельнулось, и вспомнил, что в доме полно мышей. Но утешил себя, что крыс в доме не было. Затем наступила тишина. Только снизу доносились тихие вздохи сквозняка. Очень медленно я стал замечать, что начинаю слышать не только звуки дождя и ветра, но и далёкий гул, похожий на рокот большого мотора или даже на работу огромного вентилятора. Не знаю, сколько времени прошло с начала этой галлюцинации. Время переставало быть ощутимым. Оно просто не ощущалось. Сквозь серый туман снаружи донёсся странный шум. Сначала я не обратил на него внимания, решив, что это шум дождя за стеной. Вдруг он изменился. Он стал нарастать и делаться всё сильнее. А после совсем исчез. Три минуты, которые звучал странный звук, отвлекли меня от рабочего процесса, но дали пищу для ума.

Вокруг витал легкий запах старого дерева, табака и бумаги, создавая атмосферу, которая словно переносила меня в далекие, почти забытые времена. Это был тот самый аромат, который напоминал о старых библиотечных залах, где каждая книга хранила в себе не только слова, но и отпечаток своих читателей. Я всегда считал, что каждая печатная машинка обладает своей душой, словно в её механизме заключена память о всех историях, которые она когда-либо помогала создавать. Её ритмичный стук — это не просто звук, а музыка, которая настраивает на особую волну вдохновения, пробуждая в душе творческий порыв.

Закрыв глаза, я позволил своему воображению унести меня прочь от суеты современного мира, туда, где каждое движение имеет значение, где каждое слово рождается с особым смыслом. Я представлял себе, как клавиши под моими пальцами начинают оживать, словно танцоры, исполняющие сложный, но гармоничный танец. Этот танец создавал ритм моих мыслей, которые, казалось, сами выстраивались в стройные строки, ожидая, когда их увековечат на бумаге. Мне хотелось уловить мелодию, которую могли бы породить мои идеи, те самые мелодии, что рождаются в тишине, полной ожидания. В этой тишине я слышал, как слова начинают обретать форму, как они наполняются эмоциями и смыслом, словно стремясь рассказать историю, которая давно ждала своего часа. Я чувствовал, что сегодня голос моей музыки будет особенным, наполненным не только вдохновением, но и глубокой связью с прошлым. Этот голос пробуждал во мне старые воспоминания, которые, казалось, были спрятаны в самых дальних

уголках сердца, и одновременно наполнял мечтами о будущем, где каждая идея могла обрести жизнь.

Я представлял себе, как страницы постепенно заполняются текстом, как каждое слово становится частью чего-то большего, как эта история, рожденная в момент вдохновения, сможет однажды найти отклик в сердцах других. Возможно, именно в этом и заключается магия творчества — в способности соединять времена, чувства и мечты в единое целое.

Я сделал глубокий вдох и, собрав всю свою решимость, начал печатать. Первые слова выходили неуверенно, словно робкие шаги на незнакомой, извилистой дороге, где каждый поворот скрывал неизвестность. Каждое нажатие клавиши отзывалось в моем сердце легким трепетом, будто я открывал что-то давно забытое, но важное и немного пугающее. Постепенно мои движения становились увереннее, а строки текста начали складываться в мелодию, которая разливалась внутри меня, словно тихий ручей, превращающийся в стремительный поток. С каждой секундой я все больше чувствовал, как музыка, рожденная в моей голове, проникает в самую глубину души, заполняя ее теплом и светом. Это было ощущение, которое трудно описать словами, словно я становился частью чего-то большего, чем просто текст на бумаге. Должно быть, именно в такие моменты рождается настоящая магия — та, что возникает, когда ты отпускаешь свои страхи и позволяешь себе быть уязвимым, открываясь перед своим внутренним голосом. Это не просто процесс создания — это диалог с самим собой, в котором каждое слово становится мостом между мыслями и чувствами, между мечтами и реальностью.

## Глава 3

Когда я проснулся, то ощутил капельки холодного пота на лице. Я смутно помнил прошлый вечер. Но то, что запомнилось, — это существо с белыми зрачками. Я до сих пор чувствовал холодный пронзительный взгляд. Я не в силах был выбросить его из головы. Он зарылся мне в мозг, как дождевой червь. Паразит, проникший в самое сердце моего сознания. И тогда я понял, что с этой минуты я связан с моим злым преследователем навсегда. Что это теперь часть меня. Нет, я не стал безумцем пока что. Наоборот, мой разум обострился и стал на порядок сильнее. Но его защита от проникновения подобных мыслей рухнула, и я был уязвим, как никогда ранее. Но я до сих пор считал, что существо из мрака мне только приснилось. Однако это было лишь моим желанием, которым я утешал себя всё утро перед приемом пищи.

Завтрак был скудным и холодным. Я не хотел разогревать еду, так как это требовало бы усилий, на которые у меня не было ни сил, ни желания. Поэтому я просто взял всё, что осталось от вчерашнего ужина: немного риса, который к утру стал жестким, и несколько кусочков говядины, уже потерявшей свой первоначальный аромат. Я ел это холодное блюдо, запивая остывшим чаем, который стоял на столе с вечера. За окном шел дождь, капли стучали по стеклу, создавая монотонный фон для моих мыслей. Я смотрел в окно, но не видел ничего, кроме серого неба и мокрых улиц. Мои мысли были заняты воспоминаниями о прошлой ночи, когда я увидел странное существо в темном углу комнаты. Это был не просто сон, это было видение, которое не давало мне покоя. Каждый раз, когда я закрывал глаза, передо мной вставала та жуткая фигура, все еще прячущаяся в тени. Белые глаза, казалось, смотрели прямо в душу, а протянутые руки, словно приглашение, заставляли сердце сжиматься от страха. Я пытался заставить себя забыть, но этот образ неотступно преследовал меня, словно тень, от которой невозможно избавиться.

Я схватился за вилку, чтобы продолжить есть, но холодный рис казался безвкусным, и аппетит окончательно покинул меня. Я чувствовал себя потерянным и одиноким, словно этот дождливый день был отражением моего внутреннего состояния.

Дождь за окном становился все более угрюмым, как будто он разделял мою тоску. Капли стучали по стеклу, создавая ритм, который напоминал о том, как быстро проходит время, но ничего не меняется. В каждой капле я слышал шепоты, как будто дождь рассказывает свои собственные истории о страхах и неразгаданных тайнах. Эта странная симфония успокаивала и приводила в порядок мое смятенное сознание. Затем в моей душе нечто снова щелкнуло. Я посмотрел в окно. На горизонте в темноте сверкали всполохи молний. Это была впечатляющая и пугающая картина, совсем как на религиозных полотнах эпохи Возрождения. Казалось, что сейчас произойдет нечто страшное и непостижимое.

Я поднял взгляд, пытаясь сфокусироваться на чем-то, кроме воспоминаний. Уличные фонари расплывались в дымке дождя, их свет казался тусклым и неуверенным. Мой обычный мир вдруг стал чуждым и мрачным. Я снова заметил, что ни один из окружающих меня предметов не способен отвлечь от мрачных мыслей. Нечто неотвратимое находилось рядом со мной. И это существовало не только в моем воображении. Меня охватило чувство, с которым я сталкиваюсь только иногда в мыслях. Это была смесь страха и сочувствия. Мне казалось, я слышу тихий голос, который говорит со мною. Он уговаривал меня продолжать работу. И как бы это не выглядело странно, я последовал этой мысли и решил отправиться в библиотеку за новой порцией вдохновения, и чтобы прочитать пару книг.

\* \* \*

Народа в библиотеке было мало, всего пара — тройка человек. Судя по возрасту, взрослая девушка и два студента. Я помнил, что так и не успел закончить работу. Поэтому решил провести весь оставшийся день, работая над черновиками. Я хотел, чтобы мои труды оказались

ненапрасными. Я очень этого хотел. Будто от этого зависела моя жизнь. Я хотел увидеть по окончании работы как можно больше исписанных черной шариковой ручкой листов бумаги, и библиотека была самым прекрасным местом для написания черновика. Недаром я работал несколько лет, учась писательскому ремеслу. Однако в этот момент своей жизни я должен был работать больше чем раньше. Но спустя несколько часов меня начало волновать иное. Я начал ощущать беспокойное чувство похожее на вчерашнее. Мне становилось не по себе. Чувство страха и тревоги нарастало. Капельки холодного пота медленно струились по вискам.

По неизвестной причине мне захотелось узнать мнение чужого человека. Обычно я так не делал. Не выдерживал острой критики. Возможно, я был слишком наивным, чтобы тягаться с другими писателями, книги которых продавались тысячами экземплярами. Зато я уважал свою аудиторию. И уверен, в книге не было субъективного взгляда на мои произведения. Хотя бы по той причине, которую я только что пытался объяснить. Подобную книгу никто не будет читать. Эта книга должна быть, без сомнения, заметна. Она должна была обладать острым сюжетом. Быть твердой и обязательно вмещать в себя тайны и тех, кто их будет раскрывать. В ней должно быть все. Это было важно. Только странно, до чего же моя тонкая больная душа не понимает этого.

Книга должна была пугать читателя. Но была одна проблема. Чтобы действительно напугать человека, словарных оборотов и описания убийц, кровавых сцен и жестоких преступников не хватит. Они будут нереальными. Они будут жить в пределах бумажного листа. Они не смогут обрести плоть и кровь. Единственно, кого персонажи смогут напугать, так это людей, которые поддавались внушению и со слабой психикой. Но я отчаянно стремился создать произведение, которое напугает абсолютно любого человека. Так что все эти слова были просто словами. И я с великим страхом буду ждать реакции читателей. А пока что я продолжил делать наброски, создавать очередной черновик и бороться с отвращением к своему творению.

Мне казалось, что я пишу слишком просто, будто для детей. Я не верил в свои силы. Знал, что нужно бороться со страхом при написании рассказа или романа. Борьба с ним рождала только неуверенность. Страх проникал в меня, а внутри рождалась неуверенность. Этот страх рождал сомнения. Вкладывая душу в текст, я всегда надеялся, что дело выгорит. Если для книги это было обязательно. Для себя я так не писал. Даже не знаю почему. Поэтому она получилась странная и непонятная. Возможно, это произошло самопроизвольно. С ней было нелегко работать. По сюжету я совсем запутался. Я сминал листок за листком, и спустя пару часов вся корзина была наполнена бумагой.

Возможно, мне стоило поступать с ними иначе, но я был зол на себя, что не мог оставлять их и учиться на ошибках, оттачивая мастерство. Но не только это заставляло меня избавляться от грязных черновиков. Я хотел. Очень хотел написать нечто шокирующее. Я хотел предстать перед читателями хорошим писателем, знатоком своего дела. Но до этого статуса мне было далеко.

Я пытался публиковаться, вложив в это дело все свои силы и средства. Потратил все свои сбережения, которые копил годами, надеясь, что моя книга найдет отклик у читателей. Но продажи оказались не просто скудными — их практически не было. Это было не просто разочарование, это был удар, который выбил меня из колеи. Такое горе способно сломить любого: оно давит, не оставляя шанса на сопротивление. Теперь я знаю это не понаслышке, а на собственном опыте. Я оказался в состоянии полного эмоционального истощения. Все мои мечты, все надежды, которые я связывал с этим проектом, рушились день за днем. К счастью, у меня оставались деньги, которые я откладывал на черный день. Благодаря им я мог покрывать свои базовые потребности. Я не жил роскошно, но на хлеб с маслом хватало. Однако каждый день злая судьба напоминала мне о бедности, в которой я оказался. Это чувство не покидало меня, как будто тень, преследующая на каждом шагу.

Мой роман, который я все еще не завершил, стал для меня не только источником вдохновения, но и причиной глубокого изнеможения. Он вытянул из меня все силы, оставив лишь пустоту. И если раньше я мог рассчитывать на поддержку друзей, то со временем все изменилось. Люди, которым я был должен деньги, начали избегать меня. Они перестали отвечать на звонки, находили поводы не встречаться. Я остался один, окруженный только своими мыслями и растущим чувством безысходности. Наступили тяжелые и темные времена. Я чувствовал себя потерянным, словно плыл по течению без руля и весел. Каждый день был похож на предыдущий, и свет в конце туннеля казался недостижимым. Это был период, когда я не только боролся с внешними обстоятельствами, но и с самим собой, с собственными страхами и сомнениями.

## Глава 4

В очередной раз я сел за написание книги. Забрасывать ее в ящик я не хотел. Необходимо было работать над ней еще долгое время. Создавать черновики и переписывать текст. Именно так я и делал в начале. Писал черновик, а после садился и доводил написанное до совершенства по моим меркам. Когда я садил последнюю точку на лист бумаги, я был полностью удовлетворен. Но продолжал писать дальше.

Несмотря на время. Я не любил посматривать на часы во время письма. Время меня только тормозило. Я мог пропустить прием пищи или выпить стакан воды и даже не заметить этого. Зато потом наступал откат. Слабость, усталость, которые я тоже не замечал. Они ощущались как-то по-другому. Организм справлялся, но дальше этого не шло. В поле моего внимания оставалось уже только вялое чувство недовольства собой, но именно в такие моменты, когда усталость накатывала волнами, я понимал, что именно это и сделало меня писателем.

Каждая строчка, каждая буква, казались результатом борьбы с самим собой, словно я вел внутренний диалог, где на кону стояли мои мечты и стремления. Я ощущал, как идеи пробиваются сквозь усталость, как они рождаются из хаоса мыслей, словно искры, высекаемые из камня, и выходят на поверхность, обретая форму и содержание. Иногда это было похоже на медленное распутывание клубка, где каждая нить требовала терпения и сосредоточенности.

Вдохновение часто приходило, когда я меньше всего этого ожидал: в тишине ночи, когда город уже спал, или в утреннем свете, пробивающемся через занавески. Оно могло скрываться в случайной фразе, услышанной в толпе, или в мелодии, доносящейся издалека. Я старался ловить эти мимолетные моменты, как рыболов ловит свой улов, затаив дыхание, чтобы не спугнуть эту хрупкую, но ценную добычу. Иногда мне казалось, что вдохновение — это живое существо, которое нужно приручить. Но при этом оставить ему свободу, чтобы оно не исчезло. Каждый раз, когда я садился за стол, я чувствовал, как слова начинали течь, сначала медленно, как ручей, а затем стремительно как река. В эти моменты я забывал обо всем: о времени, о своей усталости, о внешнем мире. Оставались только я, бумага и мысли, которые, наконец, находили свое место. И хотя процесс этот был порой изнурительным, знал, что он делает меня тем, кто я есть.

Иногда я возвращался к ранее написанному и замечал, как оно изменилось, словно тексты сами обрели дыхание и начали жить своей жизнью. Словно страницы, наполненные словами, были не просто статичными строками, а пульсирующими частями большого мира. Я переписывал фразы, добавлял детали, словно художник, который возвращается к своей картине, чтобы добавить новые штрихи, придающие глубину и объем.

Каждое изменение заставляло мир, созданный мною, расти, становиться более сложным, насыщенным и реальным. В такие моменты я чувствовал себя архитектором, строящим целую вселенную из слов, где каждое предложение — это кирпичик, а каждая глава — фундамент для чего-то большего. Мне казалось, что я не просто пишу текст, а создаю нечто живое. Нечто что может взаимодействовать с читателем: пробуждать в нем эмоции и мысли. Каждая законченная страница становилась для меня не просто результатом труда, а финальным аккордом в симфонии, где каждая нота, каждая пауза находились на своем месте. Это была музыка, которая оживала в словах. Гармония, которую я стремился донести до каждого, кто откроет мои книги. И в этом процессе я находил не только радость творчества, но и ощущение, что оставляю часть себя в этом мире, делая его немного ярче и богаче.

В такие часы писательского труда я понимал: я не просто пишу, я создаю. Это было больше, чем процесс — это было погружение, сродни путешествию в неизведанные глубины собственного сознания. Каждая буква, каждая строка — это шаг на пути к искомой форме, к идеальному замыслу, который казался одновременно близким и недостижимым.

Иногда слова ложились на бумагу легко, будто сами находили своё место, а иногда приходилось бороться с каждым предложением, выискивая нужные оттенки смысла. Я чувствовал, как текст оживает, обретает свою индивидуальность, становится чем-то большим, чем просто набор символов. И пусть у меня не всегда получалось придерживаться первоначального замысла, я знал, что это нормально. Ведь творчество — это не строгий план, а живой процесс, в котором изменения неизбежны. Бывали моменты, когда я сомневался, терялся в собственных мыслях, но даже тогда я понимал: главное — продолжать, не останавливаясь. Каждый написанный абзац, даже несовершенный, приближал меня к цели. В этих мгновениях я чувствовал себя не просто автором, а своего рода архитектором, который из хаоса идей строит нечто целостное и значимое.

\* \* \*

Я заставил себя сделать шаг вперед, хотя ноги казались ватными, а сердце билось так громко, что казалось, этот звук разносится эхом вокруг. В голове звучал громкий треск, словно реальность вокруг меня начинала трещать по швам, готовая рассыпаться в хаосе. Белые точки продолжали светиться в темноте, их мерцание гипнотизировало и притягивало взгляд, словно невидимая сила удерживала меня от того, чтобы отвернуться. Я чувствовал, как холодный пот стекает по вискам, а страх медленно, но неумолимо сжимает мою грудь, словно невидимые когти впиваются в плоть. В их сиянии было что-то пугающе чуждое, неестественное, как будто сама природа отвергала их существование. Я пытался понять, что они означают, но в голове роились лишь хаотичные мысли и обрывки догадок. Это была иллюзия, созданная чьей-то могущественной волей, или, возможно, это был настоящий ужас, который искал новую жертву для своих зловещих игр? Или же за этим скрывалось нечто большее — настолько грандиозное и непостижимое, что мой испуганный разум просто отказывался вместить эту истину?

Я сделал еще один шаг, чувствуя, как ноги с трудом подчиняются моей воле. Воздух вокруг казался густым, словно я двигался сквозь невидимую преграду. Белые точки начали двигаться, складываясь в причудливые узоры, которые, казалось, оживали перед моими глазами. Их движение было одновременно завораживающим и пугающим. Я чувствовал, что с каждым мгновением приближаюсь к разгадке, но вместе с этим нарастало и ощущение, что я открываю дверь, которую лучше было бы оставить закрытой.

Попытки вдохнуть становились всё более неслышными, и я тихо шептал себе: «Ты не один». Но это не помогало. Ноги словно приросли к полу, и я оказался в плену своих страхов. Попытки сделать хотя бы один вдох вновь и вновь заставляли меня ежиться и горбатиться. Я чувствовал, как пульсирует в груди синяя жилка. Меня начало трясти, но только от страха. И от холода. Было холодно, очень холодно. И после этого я услышал голос. Женский, приятный, холодный голос исходил из темного угла. Не сразу, но я понял, что голос принадлежал существу с белыми точками вместо зрачков. Голос, казалось, пытался говорить со мной, только я не понимал его.

Темнота пульсировала, как живое существо, заполняя пространство невидимыми тенями, которые словно дышали в унисон с моими страхами. Казалось, что она обладала разумом, наблюдала, изучала, выжидала. Я чувствовал, как тени подкрадываются ближе, их незримые пальцы тянулись ко мне, ощупывая душу в поисках слабого места. Они были терпеливы, словно знали, что рано или поздно найдут брешь, чтобы проникнуть внутрь и оставить за собой ледяной след, от которого невозможно избавиться.

Женский голос раздавался где-то вдалеке, будто шепот, который едва доносился сквозь плотную завесу тьмы. Его тон был обманчиво мягким, почти утешительным, как светлая искра в бесконечном мраке. Но за этим манящим звучанием скрывалось нечто тревожное, как будто сама интонация несла в себе предзнаменование беды. Этот голос звал меня, обещая выход из хаоса, но каждая его нота внушала мне необъяснимую тревогу, заставляя сомневаться в его истинных намерениях. Я опустился на холодный, сырой пол, чувствуя, как ледяная поверх-

ность проникает сквозь ткань одежды, пробираясь к коже. Мои руки дрожали, а дыхание становилось всё более прерывистым. Я закрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться, найти в себе силы вырваться из цепей страха, который словно окутывал меня тяжелым, удушающим покрывалом. Однако, чем больше я пытаюсь успокоиться, тем сильнее становится ощущение, что темнота вокруг жива. Тем сильнее ощущалось, что она не просто окружает меня, но и впитывает каждую мою эмоцию, питаясь моими сомнениями и уязвимостью.

\* \* \*

Темнота сгустилась, обволакивая всё вокруг плотным, почти осязаемым покрывалом, и каждый её шёпот словно отзывался на мою тревогу, усиливая её. Казалось, что сущность жила собственной жизнью, дышала, двигалась, играла со мной, как хищник играет со своей жертвой. Я закрыл глаза, отчаянно стремясь вытеснить навязчивые образы, которые, словно тени, преследовали меня в этом мраке. Но чем сильнее я старался, тем больше эти образы множились, становясь всё ярче и отчётливее, будто сущность сама подпитывала их, пытаясь пробиться сквозь мои внутренние преграды. Сквозь это напряжение, как тонкая струна, звучал женский голос. Он не был громким, но его звенящая мелодичность проникала прямо в душу, заставляя сердце учащённо биться. Голос казался одновременно родным и чужим, ласковым и пугающим. Его интонации перекликались с колебаниями тьмы, как будто они были частью одного целого, неразрывно связанного. Я ловил себя на мысли, что не могу понять, откуда доносится этот голос — он звучал повсюду и нигде одновременно. Я не знал, кто она или что. Её присутствие ощущалось как нечто неизбежное, но неясное и тревожное. Было ли это воспоминание, игра моего разума или нечто иное? Чьим духом была окутана эта темнота — врагом, пришедшим, чтобы поглотить меня, или спасителем, готовым вытащить из бездны? Каждая секунда в этом состоянии казалась вечностью, а ответов не было. Только сущность, голос и моя растущая тревога.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.